

Дети шли из школы домой через поле. До деревни два километра пешком. Они могли бы и на школьном автобусе доехать, но не захотели. Сегодня был хороший апрельский день. Даже немного жаркий. Зачем ехать в автобусе? Когда можно пройтись и подышать свежим воздухом. Ребята шли и смотрели на солнце. На следующий год они будут уже в седьмом классе. Васька достал пачку сигарет и закурил. Полина и Дима тревожно переглянулись. Это была вторая пачка!

— Вась, может, уже хватит? Вторая пачка! Ты чего? — возмутился Дима.

Васька посмотрел на них унылым взглядом:

— Мои родители разводятся!

— Ничего себе, — прошептала Полина.

Они вошли в недостроенный у дороги коттедж и присели на блоки.

Васька все молчал и молчал. Но было по лицу видно, какие эмоции его переполняют.

— Вась, ты поплачь, если хочешь. Здесь все свои. Никто никому не расскажет, — сказал Дима.

И Вася зарыдал, да так, что от безутешной обиды затряслись трепетно и в лад его худенькие плечи.

— А я не хочу, чтобы они развелись, — сквозь слезы сказал он. — А они говорят, что больше не могут жить вместе.

Наконец он перестал плакать и вытер слезы.

— Спасибо, вы настоящие друзья, — прошептал Васька. — Как я вам завидую! Вы брат и сестра. А у меня всего два кота.

Громкое жалобное тьяканье прервало их разговор.

— Тяни ее! — слышались вдалеке голоса.

Ребята, еще не зная суть происходящего, втроем бросились навстречу заполошным крикам.

Возле одного из коттеджей стояли пять мальчишек. Они привязали к лапам несчастной собаки пустые банки и гоняли ее по кругу. Затравленное животное металось из стороны в сторону.

— Ах вы, звери! — у Васьки потемнело в глазах. Он сжал кулаки и направился к ним.

— А ну отпустите собаку! — заорал он.

Те сначала опешили. А потом один из них, белобрысый, подошел к Ваське и, ухмыляясь, нагло спросил.

— А ты че, самый умный, а?

— Я тебе сейчас покажу, какой я умный, — придвинулся к нему вплотную Васька.

Белобрысый струсил:

— Да нужна нам эта собака, — он кивнул остальным, — уходим.

Дети отвязали банки с лап собаки, отпустили ее и пошли в деревню.

Полина обернулась.

— А собака за нами идет! — воскликнула она.

Собака действительно бежала за ними. Дети остановились, и собака тоже. Она завиляла хвостом.

— Собака, тебе нельзя с нами, — сказал Димка. — Иди к хозяевам.

— Да нет у нее никого, — вздохнул Васька. — Разве вы не видите? Посмотрите, она вся грязная и тощая.

— Тогда, может, ты ее возьмешь? — спросила его девочка.

— Не могу, — ответил он. — У меня два кота. Они друг друга не терпят...

Димка посмотрел на собаку. Черная, с большими ушами и зелеными глазами. По спине и животу белые пятна. Симпатичная.

Полина словно догадалась, о чем подумал Димка.

— Мама не разрешит, — предостерегла она его.

— А мы папу попросим, — сказал он. — Эх, жаль, что дед во Владивостоке, он любит собак.

— А как мы ее назовем? — Полина посмотрела на всех.

— Ну, раз мужских половых признаков у нее нет, значит, девочка, — хмыкнул Васька. — Как вам имя — Жулька?

— Нет, — покачал головой Димка. — У нас в деревне и так две Жульки. Будет Маруськой. В честь нашей покойной бабушки.

Собака при слове Маруська громко и радостно залаяла.

— Понравилась кличка, — удивился Васька.

Возле дома Димки и Полины ребята расстались с Васькой,

— Знаешь, давай поступим так, — прошептала брату Полина, — Маруську запрем в сарае на ночь. А завтра маме покажем.

— А какая разница? Сегодня или завтра? — спросил он.

Полина подумала:

— Да, ты прав, никакой.

Они открыли дверь и вошли в дом. Мама сидела в прихожей. Когда она к ним повернулась, ее глаза были опухшие от слез.

— Собака? — устала она на Маруську.

— Мам, что-то случилось?

Мама вздохнула и сказала им:

— Присядьте. У меня для вас плохая новость.

— Что-то с папой? Он жив? — встрепнулся Димка. Папа работал на тракторе, и в его воображении стали вырисовываться страшные картины.

— Нет, жив, жив. Только он больше не придет домой. У вашего отца, дети, — она сглатывала слезы. — У него теперь другая женщина, и он ушел к ней.

Дети стояли, как вкопанные. До них не сразу дошел смысл ее слов. Мама встала и хотела продолжить, но вдруг всхлипнула:

— Я не чувствую свои ноги, я не чувствую ноги!

— Ох, горе-то какое, — причитала соседка в зале.

Полина и Димка ее не слушали. Они хмуро сидели на диване. Маруська лежала рядом. Маму забрали по «скорой». На следующий день врачи сказали, что на нервной почве маму парализовало внизу живота, и она не сможет ходить. Целую неделю мама пролежала в больнице. А потом сказала, что хочет домой. Их соседка, Валентина Сергеевна, лучшая подруга мамы, вызвалась им помочь.

— Маму привезут из больницы после обеда, — сказал Димка и посмотрел на Полину. — Знаешь, о чем я подумал?

— О чем? — спросила она

— Мама не должна видеть, как мы страдаем!

— Дима, а, Дим? — по лицу Полины текли слезы. — А почему папа не пришел?

— Не знаю, — развел руками мальчик.

И вскоре они уже плакали вместе, в обнимку. Маруська, жалобно заскулив, подошла к ним и положила мордочку на ноги Полины.

После обеда, как и обещала Валентина Сергеевна, привезли маму. Дети тут же бросились к ней. Но мама была в состоянии стресса, заторможенной. И не могла говорить. Сопровождающий ее врач объяснил ребятам, что виной всему успокоительные лекарства.

— Ей сейчас нужен покой, — почему-то шепотом добавила Валентина Сергеевна. — А сейчас к столу, пора ужинать... Какие лекарства давать маме, я написала. Завтра отправитесь в школу, а я приду, подежурю.

Димка сел и вздохнул:

— Надо деду письмо написать.

— Точно! — радостно всплеснула руками Полина.

И в этот миг они решили войти в комнату к маме. Приоткрыв дверь, ребята увидели странную картину.

Маруська сидела около кровати и смотрела грустными глазами наверх, где на чистой постели сидела мама. Потом, легко вспрыгнув на кровать, уселась с ней рядом.

— Ты смотри, Дим, Маруська все понимает, — удивилась Полина.

На следующее утро, бросив письмо в почтовый ящик, дети пошли в школу. Но учиться им совершенно не хотелось.

После занятий они вернулись домой. Побросав рюкзаки в прихожей, ребята услышали, как мама и Валентина Сергеевна о чем-то громко разговаривают.

— Что случилось? — спросили они.

— Ваш папа приходил, — фыркнула соседка.

— А почему он тогда нас не подождет? — спросила Полина, и слезы у девочки стали наворачиваться на глаза.

— Все, не реви, Польшка! — в сердцах воскликнул Димка, а на душе у него было так паршиво. — Если бы отец хотел нас видеть, он бы дождался. Значит, мы ему не нужны.

— За хлебом нужно сходить, — прервала его Валентина Сергеевна.

— Мы ходим, — прошептал Димка.

Они взяли деньги и отправились в магазин. Маруся побежала с ними. Встроение у всех было не очень. Когда они зашли в магазин, то остановились, как вкопанные. Возле прилавка в очереди стоял их отец. Он их сразу увидел.

— Поля, Димка, — он направился к ним.

— Не подходи к нам! — срывающимся голосом крикнул Димка.

— Ты нам больше не папа! — вслед за братом закричала Полина. — Ты нас бросил!

В магазине сразу стало тихо. Все смотрели на разыгрывающуюся драму.

— Да вы что, дети. Не бросал я вас.

— Тогда возвращайся к нам. Ты так нужен нам и маме! — Полина с отчаянием посмотрела на отца.

— Не все так просто, — вздохнул он.

— Просто! Тогда забудь о нас, — сказал Димка сквозь слезы.

Отец аж в лице переменялся и, по-стариковски сутулясь, вышел из магазина.

— Так! Чего вы все толпитесь и глазеете, а?! — прокричала на весь магазин продавщица Лена. — Дети, идите, я вас без очереди отпускаю.

Возражать никто не стал.

— Хлеб и батон, — сказала Полина и подала деньги...

Сильная боль, больничная палата. Она открыла глаза. Сон ли это? Нет, это был не сон... Она вспомнила все. И хотя Ольга лежала уже дома, в своей постели, воспоминания ворвались, как ураган. Неужели это все произошло с ней? Еще недавно она была здоровая, а теперь инвалид и не может ходить. Хотя врачи говорили, что это все от нервного напряжения. А тот день, когда случился приступ, не предвещал ничего плохого. Она приготовила обед. Дети со школы должны были скоро вернуться. Игорь пришел рано и, пряча от нее глаза, заговорил. Сначала она была в шоке, потом слезы, сора. Все прошло как в тумане. Она попробовала пошевелить ногами, но ничего у нее не получилось. Ольга сжала губы, чтобы не заплакать. Позже врачи скажут, что боли пройдут, нужно лечение. И что дальше? Она вздохнула. А вдруг он вернется? Она готова его простить... Готова забыть измену. Дверь комнаты приоткрылась, и в дверном проеме показался нос, затем мордочка. В комнату вошла собака. Она села на пол и посмотрела на Ольгу.

— Собака? — удивилась она. — Ах, да. Дети притащили ее, как раз в тот день...

К изумлению Ольги собака забралась к ней на кровать и легла на ноги. Она посмотрела женщине в глаза и жалобно заскулила.

Ольга была поражена. Рука непроизвольно легла ей на голову. Голова собаки оказалась такой теплой и родной. Слезы сами полились из глаз.

— Эх, собачка, — заплакала она. — Ну, кому я теперь такая нужна?..

Иннокентий Гаврилович в одной руке держал письмо внуков, а в другой — сигарету. Ну, надо же такому случиться! Год назад умерла его жена Мария, а теперь с Олькой такая беда. Он тяжело вздохнул. Думать было нечего. Он продаст все и уедет к ним. Ему живо представилась печальная картина: дочь в постели, внуки... Он взял ручку и стал писать письмо, решив, что пошлет его заказным. За месяц он успеет уладить свои дела. И хоть ему было семьдесят пять лет, он еще неплохо себя чувствовал... В середине мая Иннокентий Гаврилович, прежде чем уехать, должен был кое-что сделать. В день отъезда он пришел на местное кладбище.

— Моя милая, Марусенька, — прошептал мужчина, глядя на могилу жены. — Прости меня, что уезжаю. Не знаю даже, приду ли сюда еще. Но нашей дочке нужна помощь, без меня она болезнь не одолеет, — сказал он, и пошел в сторону проселка.

По полю гулял ветерок, веяло прохладой. И это было так хорошо, поскольку нынешний май оказался необычайно жарким. В тени недостроенного коттеджа сидели трое детей и собака.

Васька и Димка курили, а Полина ела шоколадку.

— Мои, — Васька затыкнулся, — посмотрели на ваших и решили не разводиться.

— Так это же хорошо, — сказала Полина.

— Не...а, — протянул Васька. — Я посмотрел, как они ругаются все время. Надоело. Пусть лучше разводятся. Ну, а вы как?

— Мы? — Димка задумался. — Нам дед письмо прислал, что к нам приезжает.

— Круто! — воскликнул Васька. — Теперь вам легче будет, — он замылся. — А что ваш отец?

— Подал на развод, но сказал, что можем к нему заходить. Он нас бросать не собирается, — ответила Полина.

— И? — Васька посмотрел на них.

— Ну, мы с Димкой решили не ходить. Там ведь эта... — У Полины грустью наполнились глаза. — Ну, в общем, ты понял.

Димка решил сменить неприятную тему.

— А ты знаешь, — обратился он к Ваське. — Маруська-то умная очень. Все, что ей скажем, она делает. Мать скажет: книгу принеси. Маруська тащит книгу.

— Вот бы мой кот так, — усмехнулся Васька и поглядел на лежащую Маруську. — Кажется, спит.

— Нет, не спит, — сказал Димка. — Маруська! — позвал он.

Собака сразу же вскочила и подбежала к нему, виляя хвостом.

Время текло медленно. Казалось, будто оно остановилось, и погода не радовала. Стояла настоящая жара. Дети даже боялись отпускать Маруську, вдруг она солнечный удар получит. В один из душных дней они играли в зале, Маруська лежала возле стола, свернувшись калачиком.

Входная дверь неожиданно открылась. Кто это может быть? Вроде никого они не ждали. А соседка уехала на пару дней к дочери.

Димка вышел в прихожую.

— Отец! — недоуменно воскликнул он. Димка присмотрелся к нему. От отца несло спиртным, и он едва держался на ногах.

Прибежала и Полина. Маруська оказалась рядом и стала рычать.

— А-а ч-чего это в-ваша с-собака на меня рычит? А? — еле ворочая языком, спросил он.

— Фу, ты пьян! — воскликнула Полина. — Уходи!

Игорь собирался еще что-то сказать, как вдруг покачнулся. Кто-то его схватил за шиворот и выволок из дома.

— Ах, ты, сукин сын! — раздался мужской голос. — Бросил семью, так еще пьяным заявляешься! Что ты там мямлишь? А ну пошел отсюда! Вон!

Димка и Полина стояли в недоумении, а потом радостно закричали:

— Дед! Мама, дедушка приехал!

Дверь открылась, и вошел их дедушка. Он поставил два чемодана на порог.

— Дедушка! — воскликнули ребята и бросились к нему в объятия.

Иннокентий Гаврилович обнял их.

— Ты ведь нас больше не оставишь? — Полина посмотрела на него.

— Нет, нет, пострелята. Если вы только меня самого не прогоните.

— Ты что, дедушка... — прошептал Димка.

Они повели старика к маме. Когда Иннокентий Гаврилович вошел в комнату, у него сердце сжалось при виде больной дочери. Разве они с женой о такой мечтала для нее доле? Он вздохнул:

— Дети, идите погуляйте, а мне с вашей мамой нужно поговорить.

Когда дверь закрылась, он подошел к ней и присел на кровать.

— Папа, — только и смогла вымолвить Ольга. А слезы помимо ее воли брызнули из глаз.

— Оля, не сдерживай себя, поплачь. Пусть все накопившееся выйдет из тебя.

Иннокентий Гаврилович гладил дочь по голове.

Вскоре она успокоилась.

— Почти всю домашнюю живность мы продали, только кроликов оставили, да их и мало было.

— Ну и правильно, — кивнул он головой.

Иннокентий Гаврилович быстро освоился в доме. Ольге купили инвалидную коляску. Нехитрое пропитание старик готовил сам. И соседке больше не было надобности постоянно приходить к ним в дом. Но больше всего ему понравилась собака. Такая ладная, да еще к тому же оказалась очень умной!

О чем ее не попросишь, все сделает по уму. И Маруське седой дальневосточник тоже понравился. Днем она проводила время возле Ольги, а ночью спала около его кровати. Свернется калачиком и мирно посапывает. Один раз даже он чуть на нее не наступил. А недавно она совсем странно стала себя вести. Иннокентий Гаврилович как-то вернулся из сарая, и увидел такую сцену. Ольга в коляске возле окна книгу читает, а Маруська ей ноги лижет!

— Пусть вылизывает, — махнула она рукой. — Я пыталась ее отвадить, но без толку.

Наступил июнь. Жара еще больше усилилась. Каждый день давался домочадцам с мукой, лишь ночью наступало хоть какое-то облегчение.

В один из таких душных дней произошло чудо. Все, как обычно в этот час, обедали, а мама, покушав, сидела в коляске возле окна.

Димка с аппетитом ел борщ. Что ни говори, а борщ дед готовил пре-

восходно. Вдруг его взгляд упал на ноги матери, Димка так и застыл с ложкой во рту.

— Мам, — пораженно сказал он. — У тебя палец на ноге шевельнулся.

Полина и Иннокентий сразу устали на Ольгу.

— Сынок, тебе, наверное, показалось, — сказала мама.

— Нет, мам. Ты попробуй пошевелить. Я уверен, что видел.

— Ну, смотри сам, — невесело усмехнулась она. — Вот я пытаюсь пошевелить пальцами... И она застыла в немом шоке. Пальцы на ногах, действительно, зашевелились!

— Матерь Божья! — воскликнул Иннокентий Гаврилович. — А ну-ка, дочка, попробуй еще раз.

Ольга со страхом, боясь, что это мираж, снова постаралась пошевелить пальцами ног. Пальцы опять зашевелились.

— Папа, — ее голос срывался. — Я начинаю чувствовать ноги!

— Мама! — радостно закричала Полина. — Это значит, что ты сможешь опять ходить?

Ольга со слезами на глазах посмотрела на всех.

— А не зря тебе Маруся все эти дни ноги вылизывала, — сказал Димка,

— Да ладно, не может быть, — засомневалась Ольга.

Каждый последующий день был чудом. Ольга стала все больше чувствовать свои ноги и шевелить пальцами. И самое удивительное было то, что улучшение наступало после того, как Маруся их полижет! Иннокентий лишь разводил руками. А через несколько дней Ольга могла уже стоять! На семейном совете решили никому не рассказывать, что Маруся была причастна к этому чуду. А то собаку замучают. Дети были полностью согласны.

Однако весть о случившемся с Ольгой все же быстро разнеслась по деревне.

— Это Бог вам помог, — говорила Валентина Сергеевна.

Всем так и рассказывали, что молились Богу. Хотя у Димки и Полины был соблазн рассказать обо всем правду, но они сдержались.

Была середина июня, и с каждым днем становилось все жарче. Только в начале месяца прошли два дождя, а потом ни одной капли. К этому времени Ольга окончательно встала на ноги. А Маруся теперь для всей семьи стала будто талисманом. Даже Иннокентий Гаврилович исподволь стал задумываться, а вдруг эта собака и в самом деле обладает какими-то необычными способностями. Однажды он сидел на кровати, рассматривая маленький альбом. Он взял из альбома фотографию. На ней была изображена молодая розовощекая женщина. Это была его покойная Марусенька. Иннокентий Гаврилович вытер проступившие слезы.

— И на могилу теперь не съездить, — горько вздохнул он.

Неожиданно в комнату зашла Маруся. Он подозвал ее и стал гладить по спине, заросшей черной жесткой шерстью. Потом показал ей фотографию:

— Это, Марусенька, фотография моей покойной жены.

Собака неожиданно жалобно закулила.

Ночью ему плохо спалось. До часу ворочался. Наконец, перед зарей и его сморил сон. И снилось ему, что стоит он в чистом поле. Высоко в небе светит солнце, воздух чистый. Посреди поля растет раскидистое дерево. Иннокентий Гаврилович пригляделся и увидел: возле дерева стоит зна-

комая женщина. Платать в горошек, русые волосы... Маруся! Он побегал к дереву. Действительно, это была она. Не старая, в морщинках, а совсем молодая. На щеках румянец, зеленые глаза светятся лучистым блеском.

— Ты пришла за мной? — спросил он ее.

— Нет, что ты, дорогой. Ты еще нужен Оленьке. Но я за всеми вами наблюдаю...

Все исчезло. Он проснулся в холодном поту. В комнате было очень жарко.

— Проклятая жара, — вздохнул Иннокентий Гаврилович и перевернулся на бок.

День прошел как в тумане. Вечером его пригласил к себе сосед Семен. Ему понравился дед. Такой подтянутый. И разговаривать с ним было легко. Засиделись они до полуночи.

— Хороший ты мужик, Иннокентий, — сказал Семен, потягивая пиво.

— А то, — расхохотался Иннокентий Гаврилович.

Входная дверь открылась, и вошла жена Семена Оксана.

— Слышишь, дед, там твоя Маруська что-то растявкалась.

— Может, кто-то во двор полез? — встревожился Семен.

— Сейчас узнаем, — прокричал Иннокентий Гаврилович,

Вдвоем с соседом они вышли из дома.

Маруська стояла посреди дороги и лаяла в сторону леса.

— Маруська, — Иннокентий Гаврилович подошел к ней, — ты кого-то увидела?

Собака вела себя странно, то она кидалась в сторону леса, то обратно назад и громко лаяла.

Семен посмотрел на лес. Было полнолуние, и огромная луна превосходно все освещала.

— Боже мой, — воскликнул Семен. — Лес горит!

Иннокентий Гаврилович посмотрел на лес. Над чащей поднимались клубы дыма. А кое-где вырывалось красное пламя.

— Ах ты, черт! — выругался он. — Ну что ты стоишь? — посмотрел на Семена, — буди деревню!

Пожарные приехали быстро. Оказалось, что для них это не первый вызов. Из-за жары стали возникать возгорания, но этот пожар оказался самым крупным. Огонь тушили целых восемь часов. Деревню отстояли.

Когда все закончилось, жители стали благодарить пожарных.

— Это вы молодцы, — усмехнулся один из них. — Вовремя заметили. Иначе все бы здесь сгорело. Пожар-то был верховой.

Стоявший рядом Семен оживился:

— Вообще-то это Маруська заметила.

— Кто? — не понял пожарный.

— Маруська, собака соседская. Она стала гавкать, мы вышли посмотреть, в чем дело. А она в лес нас повела.

— Ничего себе, — удивился огнеборец. — Спасла, значит. Если бы не эта собака...

Время пролетело быстро. Наступил август, жара спала, и установилась в меру теплая погода. Много произошло изменений. Ольга полностью выздоровела и устроилась на работу. Игорь больше так и не показывался в семье. Позже они узнали, что он вновь женился.

— Нехай живет, как хочет, — махнул рукой Иннокентий Гаврилович.

Маруська в деревне стала очень известной особой. В дом старика Иннокентия и его внуков зачастили гости. Приходили с одной целью: свести Маруську с их породистыми кобелями. Дескать, чтобы от такой умной собаки потомство было на зависть всей округе. Но Иннокентий Гаврилович был строг в подборе пары для своей любимицы.

— Не позволю мучить собаку. Захочет плодиться, сама себе найдет пару. Не беспокойтесь, щенят я раздам, — говорил он.

Димка и Полина с удовольствием предвкушали, как пойдут осенью в школу, будут писать в новых тетрадях диктанты и решать мудреные задачи, получая за это только «пятерки».

— Наверняка будут новые предметы? — неожиданно спросила у брата Полина.

— Одолеем, — сказал Димка. — Правда, Маруська?

Собака подбежала к ним и завиляла хвостом.

